

Поэтесса АННА ПЕТРОВНА БУНИНА.

(К 100-летней годовщине ее смерти 4 декабря 1829 г.) [1]

Публикация Е. К. Федорова, 2003.

Оригинал находится здесь: http://www.ostrov.ca/kgrot/ap_bunina.htm.

Одну из стен музея бывшего Пушкинского Дома, ныне Института Русской Литературы, в соседстве с портретами кн. Дашковой, Шишкова, Державина, Карамзина и др., украшает портрет миловидной средних лет брюнетки с выразительным лицом и вьющимися волосами, в костюме первой четверти XIX в., сидящей в непринужденной позе у стола с книгами (копия работы известного художника-портретиста того времени Варнека, ок. 1820 г.). Портрет этот с давних пор украшал залы Академии Наук, как унаследованный с другими в коллекции русских писателей и ученых от Российской Академии, приобретшей и приобщившей его к собранию портретов своих членов, хотя изображенная de jure и не состояла при жизни в их числе (она была почетным членом "Беседы любителей русского слова"). Женщина, удостоившаяся этой чести, была известная в свое время писательница и первая, составившая себе достаточно громкое имя, русская поэтесса - Анна Петровна Бунина.

Родившись в 1774 г., Бунина появилась на литературном поприще с первым значительным печатным трудом поздно, когда ей было за 30 лет, в 1806 г., а умерла рано, на 55 году жизни, в конце 1829 г., более 100 лет тому назад. Уже скоро после Отечественной войны она стала страдать от развившейся у ней болезни, рака (в груди), и постепенно прогрессирующие страдания принудили ее рано забросить свою литературную работу, так что последние пятнадцать лет своей жизни она почти уже ничего не писала; надо только удивляться, как плодотворна была ее работа в такой краткий (менее, чем 10-летний) период авторства.

А. П. Бунину, как поэтессу, знают теперь почти только по имени, как и вообще большую часть старых наших поэтов ее эпохи и ее типа: такова участь всего устаревшего - не перворазрядного, будь оно даже для своего времени замечательно и значительно. Но в данном случае на объективную оценку автора в свое время повлияло и другое. Это был господствовавший у нас тогда отрицательный взгляд не только ее современников, но и последующих поколений, почти вплоть до эпохи 1860-х годов, на женский вопрос, на права женщины, на ее труд, особенно в умственной сфере. На женщину - писательницу, как на явление аномальное, причуду своего рода, смотрели снисходительно и пренебрежительно, с несколько шутливым или насмешливым подходом, и не только толпа, но нередко и люди с высшим образованием, и такое клеймо иронии, часто облеченное в остроумную шутку какой-либо современной знаменитости или ей приписанное, прочно приставало к литературному имени и традиционно передавалось потомству из поколения в поколение. Не избежала этого, между прочим, и Бунина.

Правда, имя "Русской Сафо", "Десятой Музы" и пр. было дано ей вовсе не в насмешку, а как лестная, шутливая похвала со стороны многочисленных и достаточно компетентных поклонников ее дарования. Одному из них (В. С. Раевскому) приписывается экспромт после первого с ней знакомства:

"Я вижу Бунину, и Сафо наших дней
Я вижу в ней."

Но и этот эпитет подавал повод зло подшучивать над ней, напр. в известном мадригале Батюшкова:

"Ты Сафо, я Фаон, об этом я не спорю,
Но, к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю." [2]

Кроме того, к остроумной шутке кого-то из лицейских поэтов 1-го курса подал повод начальный стих пьесы Буниной, посвященной Державину, под заглавием "Сумерки", изображающий закат, - стих, вырванный из связи с другими и потому могущий в таком виде возбудить недоумение.[3]

Но, конечно, все это острословие несколько не может повлиять на объективную историко-литературную оценку творчества Буниной. Она своим образованием и развитием принадлежит еще Екатерининской эпохе: учителями ее и образцами в словесной науке, в языке и слоге были Державин,